

РИЧАРД КИРК

РИЧАРД КИРК

НЕОБХОДИМЫЕ
МОНСТРЫ

fanzon

Москва

2018

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44
К43

Richard Kirk
NECESSARY MONSTERS

Copyright © 2017 by Richard Kirk

В оформлении форзаца и нахзаца использованы работы
художника *Ричарда Кирка* «Химера» и «Гипнос»

Разработка серии и оформление
Василия Половцева и *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Анны Пантюшиной*

Истории трагические, разумеется...

Кирк, Ричард.

К43 **Необходимые монстры / Ричард Кирк ; [пер. с англ.
В. Ф. Мисюченко]. — Москва : Эксмо, 2018. — 480 с. —
(Большая фантастика).**

ISBN 978-5-04-093328-0

Ламсен Мох — беглый вор и страстный библиофил. С детских лет он постоянно винит себя в трагической смерти своей подруги, Мемории, обладавшей странными способностями. Попытка отомстить судьбе, украв экземпляр редкой книги, оборачивается встречей с опасными людьми и получением не менее опасного задания.

Вместе с друзьями — Имоджин, странным существом Радужником и Умельцем Вороном — он отправляется на остров Козодоя. Это опустошенное место, отравленное в результате войны и геноцида — Чистки. Их преследуют криминальный синдикат «Красная минога», полицейские агенты и пугающая девочка-ведьма с кошмарным ручным монстром.

В фантастическом, еще не оправившемся от мировой войны мире, в котором технология сплетается с магией, Моху и Имоджин придется расшифровать тайны своего прошлого, чтобы открыть темное сердце проклятого острова.

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

© В.Ф. Мисюченко, перевод на русский
язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-093328-0

Элайн и Эмили — с любовью

В память об Аллане Ките Лаве

Я — чёрная тень
хаоса, чей бледный лик пугает
небеса неразберихой.
Я — мрачная тюрьма,
я — траурный покров,
скрывающий бесплотное ничто
и суть его под крыльями таящий.

*Педро Кальдерон
де ла Барка¹*

¹ Педро Кальдерон де ла Барка (1600–1681) — испанский драматург и поэт, чьи произведения считаются одним из высших достижений европейской литературы Золотого века. Стихотворение приводится в переводе с английского языка (*прим. пер.*).

Головастик в банке

Мемория повернулась во сне. Руки и ноги ныли. Мох рисовался ей мальчиком из далеко-далеко ушедших лет. Этим обрезком памяти она отомкнула дверь в его сны и, незримая, вошла в них.

Два ребёнка сидели лицом друг к другу внутри запряжённой лошады кареты, разделённые лучом нежданного солнечного света. Моху, только что одолевшему свой одиннадцатый день рождения, было наказано сопровождать Меморию во дворец на Загульные Поля, где у неё в тот вечер было выступление. Они сидели на потёртых сиденьях, Мох — в чёрном сценическом костюме, Мемория — в чёрном платье. Окраска на кончике носа, подбородка и ушей делала её лицо ещё светлее. Перевязанные лентой волосы лежали сзади. Внешность Моха будто опалило горячим ветром. В его нечёсанных волосах свободно гуляли статические заряды. Под изломанными ногтями, будто прочерченная карандашом, пролегла полоска грязи.

Было далеко за полдень 29 октября. Погода стояла осенняя, но им не дали одеяла прикрыть колени: как бы наряды не попортили. Мемория сидела, положив руки в перчатках на закрытую книгу. Она

сидела с закрытыми глазами, но не спала. Мох снял свои перчатки и пустил их на протирку запотевшего окна, чтобы получше разглядеть пса, быстро приближавшегося по траве размашистыми прыжками.

— Отчего, по-твоему, мы встали? — спросила Мемория.

— Пёс какой-то дорогу загородил, — сказал Мох. Кончик его носа вжался в стекло. — Он лошадей пугает. — От тепла кожи окно покрывалось дымкой, мешая видеть. — Громадный такой!

— В древних мифах пёс охраняет вход в подземное царство мёртвых, — сказала Мемория.

— Тогда чего ж он тут разбежался? — Мох скользнул по сиденью к окну на другой стороне кареты. — Он, похоже, бешеный.

— Кучер его отгонит. — Когда девочка говорила, дыхание её выходило белёсым облачком. — Скоро стемнеет, и я замёрзла. Хочется огня, чего-то на ужин и горячую грелку в тёплую постель. — Мемория открыла глаза. — Не хочу выступать. Нестерпимо чувствовать, как они на меня смотрят. Всё равно что оказаться мотыльком на конце булавки.

С августа её самозванный опекун, Джон Машина, устраивал приватные сборища в гостиных Загульных Полей. За деньги, которые вскоре пропадали в его карманах, Мемории приходилось демонстрировать свой дар. Пока Джон отсиживался по тёмным уголкам залов с высоченными потолками, она заставляла воспарять в воздух камни, мраморные шарики или всяческие безделушки, какие предлага-

ла публика. Каждый вечер ей приходилось терпеть, пока Джон Машина посыпал мукой её лицо и чернил ей глаза толчёным углём. Однажды он покрасил ей губы соком какой-то ягоды, от которого она заболела. Она остерегалась его нетерпеливых рук, грубых, с веснушчатой кожей и медными волосами, а особенно прикосновений выдавшего вида золотого перстня с тёмным рубином. Как-то, разомлев от коньяка, он рассказал ей, что этот камень — символ крови и выдает его принадлежность к «Красной миноге», тайному сообществу. Она видела такие же перстни у завседатаев своих выступлений.

— Я их презираю, — говорила она.

Мох, раздражённый, отодвинулся от запотевшего окна и повернулся лицом к Мемории:

— Если даёшь им, чего они желают, они только большего захотят. Ответ прост.

— Для тебя, возможно. Все ждут, чтоб ты был груб и вызывал разочарование. Ты неотёсанный мальчишка, и это означает, что мне приходится работать вдвое усерднее, чтобы у них не сложилось плохое мнение о Джоне. — Мемория сунула свою книжку в портфельчик из плотного картона.

— Кого волнует их мнение? — хмыкнул Мох. Он ногами крутил педали в воздухе. — У меня ноги скрипят в этих ужасных сапогах. Сниму-ка я их, пожалуй.

— Даже не смей, не то тебе ни за что не натянуть их обратно.

Мох откинулся на сиденье и уперся узкими мысами своих чёрных сапог в сиденье Мемории.

— Веди себя прилично. — Мемория швырнула в него подушкой, но та отскочила на пол. Из-за стенок кареты донёлся голос кучера, правившего лошадьми. За ним последовал нестройный топот копыт и сильный храп. Карета дёрнулась назад, потом вперёд. Мох вовремя повернулся к окну и увидел пса, скакавшего прочь по широкой лужайке. Мемория, смотревшая в противоположное окно, следила, как неровная жилка декоративных садов проплывала мимо кареты, кренившейся из стороны в сторону на неровной дороге. За поворотом в поле её зрения оказался дворец, куда им предстояло наведаться. Карету трянуло, и Мемория вновь обратила взгляд на сады и деревья.

— Он угробить нас собрался, что ли? — Мох вцепился в сиденье.

Мемория не ответила. Весь день ей нездоровилось. Восприятие её будоражила подступающая мигрень. В отличие от Моха, замкнутость кареты её успокаивала. Болтовня Моха не знала удержу. Мемория придерживала язычок, понимая, что его пугает предстоящее представление и присутствие лощёной публики. Во время неспешного передвижения кареты по Ступени-Сити она пробовала читать, она любила читать на отдыхе, но из этого вовсе не следовало, что за чтением ей было легче достичь желаемого состояния. Глаза скользили по строчкам текста, вынуждая её вновь перечитывать предложения, тут же отвлекаясь на какое-нибудь замечание Моха. Она попыталась уснуть, но неистовый парад образов в её умственном зоре лишь ещё

..... НЕОБХОДИМЫЕ МОНСТРЫ

сильнее портил настроение. Она жаждала избежать представления, хотела, чтоб её отравили в её комнату, где можно было незаметно воспользоваться своим лекарством от головной боли.

— Как-нибудь на днях я напишу твой портрет, — произнёс Мох. — И выйдет на нём не улыбка косоглазая, так что все узнают, с чем мне приходилось мириться.

— Как-нибудь на днях я поведаю тебе тайну, которая упечёт тебя в сумасшедший дом, — прошипела Мемория. Мох обиженно уставился на спутницу, пока не в силах был больше выносить её пронзающих душу глаз, и отвернулся. Она взяла его за руку.

Мемория подставила банку из-под варенья под солнечный свет июня. Они были позади старого дома, называвшегося Благоуханным Стоком. Годом раньше Джон Машина поселил её тут вместе с Мохом и его матерью. Головастики извивались в зелёной воде, сильно располневшие даже за минувшие два дня.

— Будто они думают, что как-нибудь на днях, если будут всё время стараться, сумеют проплыть прямо через стекло. Они не понимают стекла. Для них оно чудо.

Мох, который не сводил с Мемории глаз и которого ни на миг не интересовали головастики, кивнул. Лицо Мемории всё ещё было тощим от приступа лихорадки, но тёмные круги под глазами исчезли. Волосы её рассыпались по обгоревшим на солнце плечам и по бретелькам купальника.

— Итак, — произнесла Мемория. И опустила банку.

— Итак?

Мемория состроила гримасу, стараясь открутить у банки крышку.

— Сегодня в Головастии большой день. — Рука её соскользнула с тугой крышки, взбаламутив воду и распугав головастиков. Девушка всучила банку Моху: — На, сможешь?

Мох взял банку и повернул крышку. Она открылась с громким хлопком.

— Отпусти их, — сказал Мох, лицо которого выдавало беспокойство, как бы Мемория ни надедала чего-то жуткого. Она же взяла банку и улеглась животом на тёплые мостки. Опустила банку в воду канала по самую кромку стекла. Мох улётся рядом. Она заметила, как он разглядывает зажившие шрамы, опоясывавшие её руки. Мох перевёл взгляд на банку. Он никак не мог набраться смелости и расспросить её о шрамах. Головастики по-прежнему тыкались в стекло, пока один из них, большой, не добрался до кромки и не скользнул в канал.

— Ах ты умница, — похвалила Мемория. Ещё несколько секунд — и банка опустела.

И вновь наступил октябрь. Джон Машина и Мемория сцепились. Она убежала, и Джон гнался за нею до самого края города, где тот выходил к морю. Мох бежал следом, негодуя на Джона и тревожась за Меморию.

Мемория добралась до конца дорожки у Радужного моря и забралась на волнолом. Она боролась с ветром, чтобы держаться прямо, вцепившись рукой в парашют, как можно дольше, а вокруг неё кружили чайки. Порыв ветра заставил её покачнуться. Мемория вскрикнула. У Мохы дыхание застряло в горле. Девушка выпрямилась. За нею о дно пятидесятифутового¹ обрыва бился океан. Следя за приближением Джона, она стояла в привычной своей странной стойке, слегка расставив сведённые в коленях ноги и положив руки на бёдра. Джон взревел. Мемория закричала в ответ, поводя руками. Несмотря на опасность, Мох не сдержал улыбки. Он понял, что произойдёт дальше: сам много раз оказывался мишенью. Пригоршня камешков, рассыпанных по волнолому, зашевелилась, как жуки-щелкуны, которых он держал в банке под домом.

— Не смей, — выговорил Джон, шагая вперёд. — Я тебя предупреждаю. — Камни взлетели в воздух. — Мемория, ты пожалеешь. — словно в ответ, камни полетели в него.

— Чёрт побери! — Джон остановился, не дойдя до неё дюжины шагов, на его коже появились ссадины. Вскинув руки, чтобы прикрыть лицо, он развернулся прочь. Камни отскакивали от верхней половины его тела и скапливались у его ног. Мох ощутил укол жалости. Джон был одет совсем не по погоде. Полы поношенного пальто хлопали его по коленям. Носки сползли, обнажив голые лодыжки.

¹ Чуть более 15 метров (*прим. пер.*).